

II

С В О Б О Д Н Ы Е Г О С У Д А Р С Т В А И ИНДИВИДУАЛЬНАЯ С В О Б О Д А

I

Неоримская теория свободных государств стала в Британии раннего Нового Времени крайне субверсивной идеологией. Теоретики, о которых я здесь говорю, пытались взять на вооружение высшую моральную ценность свободы и увидеть ее в довольно радикальных формах представительного правления. Это позволило им в конечном счете повесить ярлык «рабства» на ряд других типов правления, которые (например, Старый порядок во Франции или правление британцев в Америке) обычно рассматривались как вполне легитимные и даже прогрессивные. Вряд ли следует удивляться тому, что на протяжении рассматриваемого периода неоримская теория была подвергнута шквалу яростной и враждебной критики.

В ее числе самым уничтожающим и влиятельным был *Левиафан* Гоббса. Гоббс настаивает на том, что любое представление о взаимосвязи между учреждением свободных государств и поддержанием индивидуальной свободы является результатом путаницы. Свобода, описываемая римскими

Свободные государства и индивидуальная свобода

[RES-PUBLICA]

авторами и их новейшими почитателями, — это «свобода не частных лиц, а республики (commonwealth)».¹

Возражение Гоббса было немедленно подхвачено Филмером² и с тех пор часто воспроизводилось.³ Авторы, о которых идет речь в этой книге, были озабочены — по мнению их критиков — свободой городов, а не свободой индивидуальных граждан.⁴ Это возражение не схватывает очень важного момента в неоримской теории свободы. Верно, что эти авторы отталкиваются от идеала свободного государства, но они делают это отчасти из-за того, что хотят заявить очень радикальную вещь об индивидуальной свободе. Их тезис — говоря попросту — состоит в том, что свободным можно быть только в свободном государстве.

Конечно, это не было главной причиной того, чтобы быть гражданином свободного государства. Здесь нам следует принять во внимание важное расхождение внутри неоримской традиции. Следуя древнеримским писателям и их ученикам эпохи Возрождения, важнейшим преимуществом жизни в *civitas libera* было то, что эти сообщества хорошо приспособлены для того, чтобы завоевывать славу и величие.⁵ *Bellum Catilinae* Саллюстия открывается историей возвышения Рима, из которой мы узнаем, что «царская власть, сперва служившая охране свободы и расширению государства, пре-

¹ Гоббс 1991, гл. 21, т. 2, с. 166. В существующем русском переводе — другие термины. — *Прим. перев.*

² Filmer 1991, p. 275.

³ Вероятно, самые известные повторения этого возражения принадлежат Бенжамену Констану и, в наше время, Исаее Берлину. См. Constant 1988, особенно pp. 309, 316—317, ср. Констан, 1993; Берлин 2001, с. 164—173.

⁴ См., например, Scott 1993, p. 152, сноска.

⁵ Об аргументации Саллюстия и о ее влиянии см. Skinner 1990b.

вратилась в высокомерный произвол».⁶ Перед лицом этого кризиса римский народ заменил своих царей системой годичных магистратур, после чего «трудно поверить, в сколь краткий срок гражданская община усилилась, достигнув свободы».⁷ Причина этому в том, объясняет Саллюстий, что «царям честные люди подозрительнее, чем дурные, и чужая доблесть (*virtus*) всегда их страшит», тогда как при свободных системах правления каждый стремится к славе, не опасаясь того, что его воспримут как угрозу.⁸

Этим мыслям Саллюстия верно следует Макиавелли в начале 2-й книги *Рассуждений*.⁹ «Но еще удивительнее величие Рима после освобождения от власти царей». «Причина понятна, — продолжает Макиавелли, — потому что величие государств основывается не на частной выгоде, а на общем благосостоянии. Между тем общая польза, без сомнения, соблюдается только в республиках; в них выполняется беспрепятственно все, имеющее в виду благо всех... Иное дело монархия, где обыкновенно все, что государь делает в свою пользу, оскорбляет интересы общества, а что делает для общества, то невыгодно ему лично».¹⁰

⁶ Саллюстий 1999, с. 449 (Sallust 1931, 6.7, p. 12): '*regium imperium, quod initio conservandae libertatis atque augendae rei publicae fuerat, in superbiam dominationemque se convortit*'.

⁷ Саллюстий 1999, с. 449 (Sallust, 1931, 7.3, pp. 12—14): '*Sed civitas incredibile memoratu est adepta libertate quantum brevi creverit*'.

⁸ Саллюстий 1999, с. 449 (Sallust 1931, 7.2, p. 12): '*Nam regibus boni quam mali suspiciores sunt semperque eis aliena virtus formidulosa est*'.

⁹ О Макиавелли в связи с темой *grandezza* см. Skinner 1981, особенно pp. 50—57; Skinner 1990b, особенно pp. 138—141.

¹⁰ Machiavelli 1960, II, 2, p. 280: '*Ma sopra tutto maravigliossissima è a considerare a quanta grandezza venne Roma poiché la si liberò da' suoi Re. La ragione è facile a intendere: perché non il bene particolare ma il bene comune non è quello che fa grandi le città. E senza dubbio questo bene comune non è osservato se non nelle republiche... Al contrario interviene quando vi è uno principe, dove il più delle volte quello che fa per lui*

Свободные государства и индивидуальная свобода

[RES-PUBLICA]

Тем же мыслям следуют многие неоримские авторы в Англии в 1650-е годы. Харрингтоновский идеал республики, «способной к росту» (*commonwealth for increase*) явно отсылает к тезису Саллюстия,¹¹ тогда как Нидэм во Введении к *Превосходству свободного государства* ссылается на обоих главных авторитетов по вопросу республиканской славы и величия. Сначала он напоминает нам, что «невероятно (говорит Саллюстий), как непомерно увеличилась римская республика за короткое время после того, как обрела свободу».¹² А затем перефразирует центральный пассаж, где Макиавелли объясняет, почему республики лучше, чем монархии, приспособлены к завоеванию славы:

Римляне достигли невообразимых высот после изгнания своих царей и уничтожения царского правления. Такие вещи не происходят без особой причины — в свободных государствах заботятся прежде всего о публичных, а не о частных интересах, в то время как в монархии все обстоит иначе, поскольку удовольствие государя перевешивает соображения общего блага. Поэтому, как только нация теряет свою свободу и попадает под иго одного тирана, она немедленно теряет свой прежний блеск.¹³

Хотя Нидэм и не упоминает *Рассуждения*, его долг перед Макиавелли нигде так не очевиден, как в этом месте.

Но при всех проявлениях пристрастий к классикам, мы встречаем у Нидэма и его современников растущее подозрение в отношении этики славы и гражданского величия. Главный авторитет, на который они опираются — это опять Саллюстий

offenda la città, e quello che fa per la città offende lui. Ср. Макиавелли 1996, II, 2, с. 229.

¹¹ Harrington 1992, p. 33.

¹² Nedham 1992, p. 33.

¹³ Nedham 1767, p. xxvi.

с его *Bellum Catilinae*. Несмотря на его восхищение «ростом» Рима после изгнания царей, мораль, которую выводит Саллюстий из своей истории Римской республики, — куда более мрачная и ироничная, чем можно было бы ожидать. С величием, сожалеет Саллюстий, пришли амбиции и жажда власти среди вождей Рима; с усилением власти пришла скупость и ненасытная потребность в новых и новых победах. Отрицательным героем в этой истории оказывается Луций Сулла, который собрал опасно большую армию, приучил ее к азиатской роскоши, а затем использовал для захвата власти в римском государстве, тем самым «после хорошего начала закончив дурно».¹⁴

Неоримским авторам периода междуцарствия в Британии нетрудно было отождествить Оливера Кромвеля с саллюстиевым портретом Суллы, особенно после завоевания Кромвелем Шотландии и Ирландии и разгона «Охвостья» Долгого парламента в 1653 году.¹⁵ Харрингтон вносит тревожную ноту, когда напоминает о том, что Сулла «сверг народ и республику» Рима и «положил основание будущей монархии».¹⁶ Усиливающийся страх перед тем, что стремление к славе на международной арене может привести к гибели свободы внутри страны сделало Харрингтона и его союзников яростными критиками протектората Кромвеля и в то же время заставило их переосмыслить достоинства республиканских режимов. Вместо того, чтобы воспевать способность свободных государств к достижению славы и величия, они стали сдвигать акцент на их способность обеспечивать своих граждан свободой.¹⁷

¹⁴ Саллюстий 1999, с. 451 (Sallust 1931, 11.4, pp. 18—20): ‘*L. Sulla... bonis initiis malos eventus habuit*’.

¹⁵ См. прекрасный анализ в Armitage 1995, pp. 206—214.

¹⁶ Harrington 1992, p. 44.

¹⁷ Как подчеркивает Уорден (Worden 1991, pp. 467—468), более поздние английские авторы, работающие в неоримской традиции, например, Роберт Моулсворт и Джон Тренчард, высказывались против стремления к завоеваниям и военной славе.

Свободные государства и индивидуальная свобода

[RES-PUBLICA]